

Miriam M. Gumbus

ПЕЧАЛЬНЫЙ ЧЕРТ, ИЛИ НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ
(Впервые – «Литературная газета», 1969, 1 января)

Помню, было это в самом начале царствования Александра III возле здания мужской гимназии в Ельце. Был день праздника коронации, и наш учитель физики пообещался показать электрическое солнце. Весть об электрическом солнце обежала весь город, и, когда вечером под керосиновыми фонарями загорелись плошки и кое-где рассыпались «бенгальские огни», наша мужская гимназия была окружена несметной массой народа. Слуховое окошко на чердаке гимназического здания было круглое и величиной как раз такое, чтобы в свете вольтовой дуги сойти за солнце.

Все глаза несметной толпы со стороны Манежной улицы были устремлены в это отверстие, и, как будто от силы такого внимания, наконец там загорелся желтый огонек и осветил голову нашего учителя физики Клушина.

Ах, до чего нам хотелось тогда этого солнца!

При желтом свете керосиновой лампы в слуховом окошке Клушин то показывался, то исчезал, учитель держал что-то в руке, вертел, подпиливал, подчищал. У него, очевидно, что-то не ладилось, чего-то не хватало, и, наконец, он отчетливо послал кого-то к черту.

Мы начинали падать духом: не видать, верно, нам электрического солнца!

Терпение в толпе истощалось, а учитель опять кого-то к черту послал.

– Дело плохо, – сказал мой сосед, – когда ученый человек обращается к нечистой силе за помощью.

Правда, я потом всю жизнь наблюдал, как не любит простой, когда образованный человек его же повседневными словами *неприлично* чертыхается и ругается. Но эта какая-то связь ученых людей, вернее сказать, борьба их за науку с чертом тянется к нам из средних веков: черт определенно мешает прогрессу.

...И вдруг учителю что-то удалось. Все вокруг осветилось чудесным невиданным светом. Я теперь не могу описать наш восторг и ни с чем его сравнить не могу. Разве вот только, если бы так повернулось в истории, что атомная энергия пошла бы вдруг людям на добро и на самолетах бы стали все люди просто как птицы летать, а не сбрасывать с них бомбы на города. Вот бы люди обрадовались, и вот с этим-то и можно сравнить, как мы тогда обрадовались первому электрическому солнцу в слуховом окошке нашей гимназии.

Было одно только мгновение чудесного света, и опять все погрузилось во мрак, а учитель Клушин крикнул в окошко:

– Больше ничего не будет!

А тот человек возле меня сказал:

– Не нужно было черта тревожить: это с ним черт пошутил.

По-своему, по-детски, я понял тогда, что учитель с чертом боролся за свет и черт победил учителя и вернул нас к свету керосиновых фонарей, усиленному немного для праздника коронации светом копчушек или плошек, расположенных

на особых чугунных низеньких столбиках рядом с фонарями.

А то еще помню из далекого прошлого и тоже про черта, этого врага рода человеческого или образа неизбежного зла, повергающего человека в пессимизм бытия, останавливающего все порывы, все вдохновение юности. Было это в другой гимназии, за Уралом, в сибирском городе Тюмени.

Учитель с большой русой бородой, с белым мелом возле черной доски доказывал нам формулами математическими, что человек никогда не будет летать. Этот учитель, Иван Яковлевич Словцов, был самый либеральный учитель, обращался с нами дружески, как товарищ. Но он был из ссыльных, и, наверно, недешево досталось ему право преподавания. Теперь, в век авиации, можно понять, что математические формулы являлись плодом его пессимизма, усталостью в борьбе с тем врагом рода человеческого.

И вот, когда Иван Яковлевич, кажется, вполне доказал, что человек не будет летать, вдруг один мальчишка вскочил и крикнул:

– Иван Яковлевич! Человек непременно будет летать!

– Докажи! – предложил учитель. И улыбнулся как будто даже сочувственно, как будто с некоторой даже и надеждой на то, что человек будет летать.

– Нечего доказывать, – ответил Миша Алпатов. – Почитайте Гоголя «Ночь перед Рождеством», как там Вакула-кузнец оборол черта, сел на него верхом и заставил лететь к царице за башмаками для своей невесты.

Все мы весело посмеялись над использованием летательной способности черта и вспомнили, что Пушкин тоже на это указывал:

Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине

Мало ли писателей и поэтов указывали на летательную способность злого духа, но, кажется, один только Гоголь предложил использовать злую силу для работы. В сказке «Ночь перед Рождеством» прямо говорится, что Вакула оборол черта. Да еще ведь и как оборол! Черт стал печальным. И когда это в детстве читалось, то печальный черт становился похожим на рабочую лошадку, понукаемую человеком.

Так вот, сколько книг было прочитано за жизнь свою о Гоголе и его черте, а как свою собственную душу прочтешь,

то все получается иначе. Мне лично Гоголь представляется великим оптимистом, верящим в возможность успешной борьбы человека с Кощеевой цепью зла. Да чего и ходить далеко, если сам Гоголь заключает свою сказку «Ночь перед Рождеством» такими словами:

«Итак, вместо того, чтобы провесть, соблазнить и одурачить других, враг человеческого рода был сам одурачен».